

УДК 92-14

Н. А. Непомнящих

Новосибирск, Россия

ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ ЛИРИКИ БОРИСА РЫЖЕГО

Тема будущей смерти и связанные с ней рефлексии являются сюжетопрождающей основой многих поэтических текстов Б. Рыжего, генерирует их образность и мотивику. Мотивы ожидания смерти и стремления к ней, мотивы холода, пустоты, боли, печали и постоянного одиночества в мире, даже в кругу друзей или рядом с другими людьми, восприятие мира как тесной, темной одинокой могилы или тюрьмы, мысли о воображаемых собственных похоронах, интенции и тональность завещания звучат уже в самых ранних текстах, постепенно усиливаясь. В лирике Рыжего отчетливо выявляется мотив сознательного движения по избранному пути навстречу преждевременной смерти, стремление к смерти может быть реализовано буквально как *перемещение* лирического героя в пространстве, попутно всегда встречающего какие-то атрибуты смерти, напоминание о ней, а может иметь метафорические обличья.

Ключевые слова: Борис Рыжий, танатологические мотивы, мотив пустоты, мотив стремления к смерти, мотив пути.

Еще не смерть, а упражненье в смерти
Б. Рыжий

Сразу после трагической смерти Бориса Рыжего драматург Н. В. Коляда, лично знавший поэта по совместной работе в журнале «Урал», написал: «Я набрал в Интернете в поисковой системе “Борис Рыжий”, появилась куча ссылок на публикации стихов Бориса. Решил прочесть, что пишут о Боре сейчас, в эти дни, и набрал слово “Смерть”, и нажал “Искать в найденном”. И снова вышли все те же ссылки. У него, у Бориса, в каждом стихотворении – о смерти. У него все стихи о смерти» [1]. Удивительно, но этот факт пока не стал предметом исследовательского осмысления и не заставил изучить творчество Рыжего, нацелив фокус на центральную в его поэзии тему, хотя многие отмечали, что тема смерти для Рыжего в последние два года жизни была основной. Более того, по словам Ю. Казарина, «Борис в последние полтора-два года своей жизни занимался (и подсознательно, и прямо вербализуя в своих стихах конец жизни, край бездны)

Непомнящих Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, rainbow_miracle@mail.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 207–223.

© Н. А. Непомнящих, 2016

смертестроительством» [2, с. 205]. Отмечая в стихах последних двух лет частое упоминание смерти, нарастающую интенсивность танатологических мотивов, нельзя в то же время не обратить внимания на тот факт, что тема смерти появляется у Рыжего довольно рано, в самых первых напечатанных стихах, и развивается, разрастается на протяжении всего творчества. В поэзии самого раннего периода, формально наиболее подражательной (повтор чужих размеров, образов, иные влияния), уже заявлены все основные ее содержательные темы и мотивы, причем многие сразу как устойчивые поэтические формулы, в которых реализуются повторяющиеся вариации темы смерти.

Мотивы ожидания смерти и стремления к ней, мотивы холода, пустоты, боли, печали и постоянного одиночества в мире, даже в кругу друзей или рядом с другими людьми, восприятие мира как тесной, темной одинокой могилы или тюрьмы, мысли о воображаемых собственных похоронах, интенции и тональность завещания звучат уже в самых ранних текстах, постепенно усиливаясь¹. Именно тема будущей смерти и связанные с нею рефлексии являются сюжетопрождающей основой многих текстов, генерирует их образность и мотивику. Мотивы смерти в творчестве Рыжего условно могут быть разделены на две группы: первая – это универсальные символы, образы, мотивы, которые имеют весьма богатую родословную в истории культуры, те, что давно и прочно связываются с темой смерти. К таковым, например, следует отнести осень в значении заката жизни, а зимы как царства окаменелости и умирания; аналогичными значениями жизненного упадка, ощущения конца обладают такие эмблематичные, аллегорические образы смерти, как закат солнца, руины, кресты, могилы, кладбища и пр. Вторую группу составляют символы, образы, мотивы, которые сами по себе могут и не иметь привычных коннотаций с темой смерти. В поэзии Рыжего такими становятся мотив пустоты и мотив пути. Творчество тоже воспринимается как путь к смерти: «Меня, наверно, не поймут потомки, но что поделывать, я уже в пути» [3, с. 31]².

Основным авторским, индивидуальным мотивом, пронизывающим все творчество, а быть может, и саму жизнь Рыжего, является *мотив стремления к смерти*, который воплощается в универсальном, мифологическом по своему генезису мотиве пути: как правило, куда бы он ни вел, это путь навстречу смерти. Второй сквозной мотив поэзии, связанный с первым, – это *мотив пересечения границы, перехода и перемещения* из одного мира в другой, из мира нашего, реальной жизни в мир иной, воображаемый мир за пределами жизни, мир «после смерти». Как уже было замечено при изучении языковых средств поэзии Рыжего, «семантика перехода в иное находит свое выражение в самых разнообразных текстовых средствах – композиционных (текстовая рамка и ее пересечение; фоновые образы с семантикой границы – “заката полоса”, “небо” и т. д.; актуализация финала как имитация недоговоренности, а также как изобразительный прием, передающий идею оборванности движения, когда слово остается недописанным), языковых (сочетаемость языковых единиц: “въедем в восьмидесятые годы” и т. д., слова и словообразовательные форманты соответствующей семантики: “отзвучало”, “отстучало”, “строчки двигались к концу”), а также на содержательном уровне (лейтмотивные ситуации смерти, похорон). Этот смысл пронизывает тексты Бо-

---

¹ См., например, такие ранние стихотворения как «Воплощение в лес», «Суждения», «Разве только ангел...», «Черные скалы», «Было в Петербурге», «Вот зима наступила...», «Трамвайный романс», «Мой друг, так умирают мотыльки...», «Бледный всадник», «Слово уши качались полы...», «Трубач», «Грустная песня» и др.

² Далее стихи Б. Рыжего цитируются по этому изданию, в круглых скобках указаны страницы.

риса Рыжего, поэтому перечислить все многообразие средств, его выражающих, не представляется возможным» [4, с. 35].

Мотив сознательного движения по избранному пути навстречу преждевременной смерти является сквозным для всего творчества поэта: «Я в мир пришел, чтобы навек проститься»³ (с. 175). Стремление к смерти может быть реализовано буквально как *перемещение* лирического героя в пространстве, попутно всегда встречающего какие-то атрибуты смерти, напоминание о ней, а может иметь метафорические обличья: «Шагнули по аллее жизни» (с. 414). Путь – мотив архетипический, сюжетогенный: мотивы пути и движения по нему обуславливают сюжетность и нарративность многих стихотворений Рыжего, построенных как рассказ идущего по городу человека или как воспоминание о пути из «пункта А в пункт В», где и «А» и «В» могут являться не только конкретными пространственными объектами, но и объектами рефлексии, ментальными представлениями, литературными аллюзиями, отсылающими к стихотворениям Г. Иванова и И. Бродского, и тогда путь приобретает метафорическое значение.

В стихотворении «Оркестр играет на трубе» герой движется в мире реальном, физическом (идет в пальто нараспашку вдоль стен тюрьмы, откуда доносится музыка, морщится от боли, закуривает, проигрывает в своем воображении историю о беглом преступнике, примеривая ее на себя), и в то же время это полностью вообразимое движение, а описываемый реальный мир предстает в нем метафорой бытия: мир – тюрьма, окруженная стеною, вдоль которой «ты по холоду идешь» «из пункта А до пункта В», а из-за стены доносится музыка, вероятно, похоронная («под мрачную и духовую», «и снова ухает труба»), а ты морщишься сначала от боли, а затем от счастья, избавляясь от боли путем побега из этой реальности в смерть («всё рассыпается на части / от пункта В до пункта А»). Происходит инверсия: герой, в начале текста причисляющий себя к «гражданам свободной воли», идущим мимо тюрьмы и случайно подслушавшим мрачную тюремную музыку, в финале текста видит себя беглым преступником, лежащим с простреленным виском на косогоре, где «пролетают облака над непокрытой головою» (с. 316). С одной стороны, ироническим является финал с кинематографично выстроенной сценой, где герой, согласно сюжетным штампам определенного жанра, застрелен, словно преступник при попытке к бегству, и теперь красиво лежит на склоне холма под облаками. С другой – аллегория «жизнь – тюрьма, из которой можно бежать только в смерть», не лишённая подлинно трагического подтекста, характерна для поэзии Рыжего в целом и абсолютно серьезна. Если исходить из совокупности всего творчества, всех им написанных текстов, то не столь важно, что в этом конкретном стихотворении первично: игра поэтического воображения или описание уже свершившегося факта, подсмотренного где-то подобного сюжета. Здесь совмещаются, накладываясь друг на друга, ирония и полная серьезность, – прием, который у Рыжего работает чаще всего. Важен и вектор, постоянно направляющий образность и мысль к predeterminedенному трагическому финалу. О Рыжем можно сказать словами другого, очень важного для него, поэта – Георгия Иванова: «Отчаянье я превратил в игру»⁴, – Рыжему-поэту свойственно

³ Здесь и далее курсив наш. – Н. Н.

⁴ Отчаянье я превратил в игру –
О чем вздыхать и плакать, в самом деле?
Ну не забавно ли, что я умру
Не позже чем на будущей неделе?
Умру, – хотя ещё прожить я мог
Лет десять иль, пожалуй, двадцать.
Никто не пожалел. И не помог.
И вот приходится смываться.

использовать «абсолютно пародийную интонацию для выражения реальных, искренних чувств»⁵, как правило, чувств глубоко трагических.

Литературная подоплека появления мотива «стремление к смерти» скорее всего связана со стихами того же Георгия Иванова и его «Посмертным дневником». Ю. Казарин в книге «Поэт Борис Рыжий» подробно рассказывает о стихотворениях, которые Борис Рыжий ценил: «Борис очень любил стихи Георгия Иванова, знал наизусть несколько его стихотворений, в частности из цикла “Посмертный дневник” (1958). Олег Дозморов вспоминает, что Борис часто читал стихотворение 1950 г.» [2, с. 195–196]. Это стихотворение заканчивается строками: «Допустим, как поэт я не умру, зато как человек я умираю»: «Сказано точно о внутренней и внешней судьбе Бориса Рыжего» [2, с. 196]. Действительно, весь «Дневник» Г. Иванова пронизан мыслями о будущей смерти, он примеряет на себя роль самоубийцы или преждевременно умершего: «Если бы забыть, что я иду / К смерти семимильными шагами». Это одновременно и один из важнейших лейтмотивов в творчестве Рыжего, к сожалению, перешагнувшего в своем стремлении черту литературных размышлений о смерти.

Перемещение – еще один сквозной мотив лирики Рыжего: «Я заурядный усталый путник, всех потерял, иных покинул. Я с вами пробыл лишь пару суток, но буду помнить до могилы» (с. 64). Лирический герой находится в постоянном движении: в поездах, трамваях, автомобиле, бредет пешком по улицам, гуляет в парке, сквере или во дворах, но, главным образом, перемещается в собственных воображении и памяти: «Меж правдою и вымыслом слоняться по облетевшим листьям сентября» (с. 516). Пространство, по которому движется герой, как правило, враждебно, неудобно, даже если это привычный маршрут. Чаще всего это осенний запущенный сквер или парк, городское неблагоустроенное пространство. Любимое время года – осень, которая также ассоциируется с увяданием, уходом, предсмертным состоянием. В стихах Рыжего постоянно встречаются разнообразные детали разрушения: «Я влюблен в руины» (с. 113). Перемещение может предстать и как воображаемые похороны поэта, может быть обозначено и не столь прямолинейно, принимая вид ментальных путешествий в прошлое или будущее либо воплощаясь во снах, воспоминаниях или мечтаниях. Иногда путешествие прямо называется перемещением, уходом в небытие:

- Мой милый, а куда ты едешь?
- А туда, где блага топкие и воды Ахерона.
«Отрывок большого стихотворения» (с. 335)

Иначе говоря, символически *перемещение* всегда мыслится как переход из этого мира в мир иной и вообще как переход любых границ – сознания, собственной личности, временных, пространственных, бытийных, т. е. попытка оказаться «за гранью». Одна из уже хорошо изученных пространственно-временных локализаций пограничья в стихах Рыжего – это ситуация «поэт у окна»: «Здесь состояние сознания лирического героя (как выразился однажды сам Рыжий,

---

В этом стихотворении Г. Иванова звучат те мотивы, что будут основными в поэзии Рыжего: игра, ирония с подлинно трагическим подтекстом, мысли о преждевременной смерти, одиночество, отчужденность и желание уйти из жизни. Прием снижения посредством употребления слова иного стилистического регистра – жаргонного или просторечного – на фоне безупречной литературной речи также является характерным приемом Рыжего. А название цикла «Посмертный дневник» может служить эпиграфом всему творчеству свердловского поэта.

⁵ Изварина Е. Там залегла твоя жизнь. История третья. Борис Рыжий: на краю пустоты // Вести. URL: <http://seredina-mira.narod.ru/izvarina5.html> (дата обращения 23.03.2015).

“на границе между сном и явью”) – смешанное с полудремой созерцание заката (а заря также содержит идею границы) – позволяет уловить музыку, которая не прорывается в повседневную жизнь, музыку, которая вызывает и сопровождает постижение истины и позволяет заглянуть за определенную черту бытия, земной жизни» [5, с. 3]. Т. А. Арсёнова связывает эту ситуацию с «медитативным состоянием лирического субъекта», которое «вызвано созерцанием заочных пейзажей» и «подчас сопровождается отстранением героя от самого себя». По ее мнению, «медитация, таким образом, в постижении некоего *наджизненного смысла* достигает своей цели» [5, с. 5]. Однако ситуация «поэт у окна» – лишь одна из *вариаций ситуации* «пограничья» в лирике Рыжего. В иных вариантах ситуация пограничья, в которой находится лирический субъект, реализуется в том числе как «быть на грани», «скользить по краю», а также как переход воображаемой границы между мирами – внешним и внутренним, этим и тем (потусторонним).

Наиболее ярким примером здесь является частый в стихах Рыжего мотив похорон. Поэт описывает похороны друзей и еще чаще воображаемые собственные похороны. В прошлом поэт выхватывает некоторые значимые детали, каждый раз встраивая их в сюжет своей гипотетической смерти, он всегда вспоминает о себе прежнем в свете своего будущего:

Вспомню жизнь свою глухую –
Хороша, лишь счастья нету,
Камень хладный поцелую
И навеки в смерть уеду.
«Было в Петербурге» (с. 80)

Во времени граница чаще всего реализуется как «сегодняшнее настоящее» / «воображаемое прошлое» или «сегодняшнее настоящее» / «воображаемое будущее», а фактическое время фиксируется как переход ночи в утро, заката в ночь, частотны «осенние» стихотворения – на границе осени и зимы:

Дай руку мне – мне скоро двадцать три –
и верь словам, я дольше продержался
меж двух огней – заката и зари.
Хотел уйти, но выпил и остался
удерживать сей *призрачный рубеж*:
то ангельские отражать атаки,
то дьявольские, охраняя брешь,
сияющую в беспредметном мраке.
Со всех сторон идут, летят, ползут.
Но стороны-то две, а не четыре.
И если я сейчас останусь тут,
Я навсегда останусь в этом мире...
«Кусок элегии» (с. 310)

Пересечение пространственных границ реализуется как выход из дома на улицу, в пространство города, и внутри самого пространства города приходится постоянно сталкиваться с границами, ведь даже отдельные, «сегрегированные» создания участка, отделены от общего пространства города некоей чертой: чаще всего это разделение связано со «своим», знакомым, привычным, «освоенным» и дружелюбным пространством (например, двор / сквер / парк) и пространством чуждым, опасным, где могут подстергать различные неприятности большого города:

Литературная жизнь сюжета

...Минуя свалки, ангелов, помойки,
больницы, тюрьмы, кладбища, заводы,
купив вина, пришёл я в парк осенний.

Здесь мотив смерти-умирания появляется в сравнении себя с другим, преждевременно ушедшим из жизни поэтом:

Сегодня день рожденья моего.
Ты жив ещё? Я жив, живу в Дербенте.
Мне двадцать два отныне.
Это возраст, в котором умер мой великий брат.
«Киндзмараули»

Сравнение себя с другим – молодым, трагически погибшим – поэтом не случайно: мотив поэзии, идея о ее чистой и высокой сути, которая может скрываться в самом что ни на есть низком и нарочито приземленном, сниженном, – одна из любимых Рыжим-поэтом идей. В его стихах связка «движение (перемещение) в инобытие – идея смерти – идея поэзии (как преодоление смерти, как единственное, что может одолеть смерть)» приобретает вид повторяющейся поэтической формулы.

Мотив перемещения в пространстве у Рыжего иногда реализовывается в сюжетной ситуации «происшествие на мосту». Мост как локус, связующий два мира, их границы, но сам не принадлежащий ни к одному из миров, хотя и лишь несколько раз встречается в стихах, связан с важным и значимым событием, повторяющимся в стихах неоднократно, – столкновении с «милицианерами». Речь идет о сюжетной ситуации, в которой герой чудом остается в живых. Традиционно мост и его аналоги во многих культурах символизируют переход из этого мира в мир иной, и в стихотворении Рыжего также можно увидеть эту символику. Мир поэта всегда резко отделен от мира других людей, и он не стремится преодолеть этот разрыв, даже понимая, что его бескомпромиссность может стоить ему жизни:

Но с кем бы я ни повстречался,
какая бы со мной беда,
я не кричал и не стучался
в чужие двери никогда.
Зачем, сказали б, смерть принес ты,
накапал кровью на ковры
И надо мной мерцали звезды,
летели годы и миры.
«Так просидишь у вас полночи...»

Перемещение связано с постоянным движением: это выход из внутреннего мира собственных ощущений и чувств во внешний мир и затем возвращение обратно, внутрь и вглубь себя, герою нужно все время куда-то идти, двигаться, стремиться, потому что стоит остановиться, как сразу приходит то самое «чувство смерти», ощущение, что смерть рядом: «*А смерть – с тобою*» (с. 363). Таким образом, стремление к смерти выражено в поэзии Рыжего не только и не столько ментальными пожеланиями и устремлениями, ожиданиями, но как мотив пути и – шире – как мотив движения / перемещения в пространстве и времени.

В «Черных скалах» лирический субъект называет себя одиноким путником: «*Я заурядный усталый путник, всех потерял, иных покинул. Я с вами пробыл лишь пару суток, но буду помнить до могилы*» (с. 64). В своем перемещении на пути к смерти герой всегда трагически одинок. Мотив одиночества, являясь общим и типическим мотивом для лирики в целом, у Рыжего всегда связывается

с мотивами пустоты, исчезновения, боли и некоторыми другими, и вот эти «формульные связки» представляют собой индивидуальные вариации универсального мотива одиночества, который является в его поэтическом мире вариацией мотива ожидания смерти. Если герой находится дома, то чаще всего в этот момент он тоже один. Но ситуация одиночества может быть и не столь явно эксплицирована, иногда она выявляется через мотив пустоты и связанные с ним мотивы.

Концепту «пустота» в поэзии конца XX века посвящено отдельное лингвистическое исследование: была рассмотрена семантика этого концепта на материале поэтических текстов московского концептуализма (Д. А. Пригов, Л. С. Рубинштейн, Т. Кибиров), вывод лингвиста указывает на то, что «культурный концепт «пустота» в поэтических текстах московских концептуалистов ассоциативно связан со следующими концептами: «энтропия», «страх», «смерть», «болезнь»⁶. Тем же семантическим наполнением обладает мотив пустоты у Рыжего, совпадают и механизмы функционирования концепта «пустота» в текстах концептуалистов и стихах Рыжего: «(1) метафоризация лексем пустота, тишина, темнота и др.; (2) эксплицитное описание пустоты; (3) описание процессов опустошения или состояния пустоты в структурах времени, сознания, мышления, психики»⁷. Несомненно отличие поэтики Рыжего от художественной манеры концептуалистов, а выявленная семантика, общая для разных поэтов, скорее универсальна, нежели специфична. И тем более интересен ответ на вопрос, каким же образом реализуется этот мотив в стихах Рыжего? В его стихах слово «пустота» и его производные встречаются регулярно, это одно из самых частотных слов: «Да, с пустотою я знаком» (с. 42). В знаковом стихотворении «Дом поэта» вся прошедшая жизнь названа «сгустком пустоты» – цитатой из И. Бродского. Этот оксюморон нужен как идея высшего проявления «отсутствия», «исчезновения», – сквозных мотивов поэтического мира Рыжего:

От тех, кто умер, остается
Совсем немного, ничего.
«Дом поэта» (с. 203)

Бродский оказал на Рыжего заметное влияние, а в поэтическом мире Бродского «пустота» – один из ключевых концептов, который неоднократно исследовался⁸. Однако семантика мотива «пустоты» у Бродского и Рыжего разная, хотя Рыжий вполне осознанно использует «образ пустоты» Бродского в стихотворении, ему посвященном («Памяти И. Б.»). Оно начинается строками о возможности «стирания» личной памяти, исчезновения собственных переживаний и приводит к строкам о желанной смерти:

Когда бы смерть совсем стирала,
Что жизнь напела, нашептала, –

⁶ Суродина Н. Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота»: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/lingvokulturologicheskoe-pole-kontseptna-pustota#ixzz3y3AJZDmS> (дата обращения 19.01.2015).

⁷ Там же.

⁸ Липовецкий М. Критерий пустоты // Урал. 2001. № 7. Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2001/7/lipov.html> (дата обращения 20.01.2016); Ранчин А. «На пиру Мнемозины»: интертексты Иосифа Бродского. М.: НЛЮ, 2001; Плеханова И. Преображение трагического. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. Ч. 1: Метафизическая мистерия Иосифа Бродского. 158 с.

Литературная жизнь сюжета

Пусть не всё, а только треть, –
Я б не раздумывал нимало
И согласился умереть.
«Памяти И. Б.» (с. 160)

Мотив исчезновения как «стирания» – буквального, словно ластиком – также из поэтического арсенала Бродского:

Навсегда расстаемся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него – и потом сотри.
И. Бродский. «То не Муза воды набирает в рот...»

Но Рыжий, хотя и использует слова и образы из поэтического арсенала Бродского, говорит вовсе не о Бродском, а лишь о самом себе. В «Стихах для пустого альбома» обыгрывается образ чистой неисписанной тетради, белых листов, где невидимые чернила – алые, «впрочем, цвет у них – лиловый», и снова возникает образ смерти, но уже как мотив пустоты, явленной через исчезновение:

На этих чистых нарисуй меня,
как только выйду от тебя, дружок,
красивым и плечистым.
Но исчезнувшим из виду
«Стихи для пустого альбома» (с. 59)

В «Колыбельной зимнего сада» пустота равна исчезновению, конечности «всего, что было мило»:

...и сад наш пуст, и он стоит уныло
Всё то, что летом сердцу было мило,
Как будто бы резиночкой творец
Неверный стих убрал с лица бумаги –
Бог стер с земли. И простыни, как флаги,
вдали белеют – кончен бой, конец.
«Колыбельной зимнего сада» (с. 84)

Исчезновение в разных проявлениях – одна из разновидностей «пустоты» в поэтическом словаре Рыжего и зачастую является синонимом смерти. В стихотворении «Трубач и осень» исчезает все вокруг: «*Это таял наш город и тек по рукам – навсегда, навсегда – по щекам*» (с. 79). В стихотворении «Костер» он размышляет о смене эпох в жизни страны, разграничивших его детство и юность, и возникает образ пустой карты, с которой «*ветер сдул огромную страну*» (с. 51).

По мысли М. Липовецкого, в поэзии Бродского «постоянное присутствие пустоты формирует образ лирического героя, определяющей чертой которого стало состояние *отчуждения* – от социума, от людей, от истории, от природы»⁹. На первый взгляд и в стихах Рыжего ощущаемая лирическим героем экзистенциальная пустота предопределяет его отчуждение от мира и людей. Однако различие в том, что в поэтической «пустоте» Рыжего нет идеи вечности, которая присуща поэтической «пустоте» Бродского: «Пустое пространство потенциально содержит в себе структуры всех подлежащих созданию тел. В этом смысле оно

---

⁹ Липовецкий М. Критерий пустоты.

подобно божественному творческому слову, включающему в себя все будущие творения судьбы, поэтому пустота богоподобна... Пустота оказывается у Бродского наиболее полным выражением идеи Вечности»¹⁰. Пустота Рыжего, напротив, – это всегда «здесь и сейчас» и обязательно о нем лично, это каждый раз напоминание о зыбкости, временности человеческого бытия, об одиночестве человека, т. е. его самого, среди пустоты мира.

Мир в стихах Рыжего почти всегда пустынен: постоянно «пусты» в его стихах комнаты, квартира, дома, улицы, площади, кварталы, сады, парки, лес...¹¹ Внутреннее состояние одиночества экстраполируется вовне и ощущается как отрезанность от мира, изолированность от всех вокруг, собственная ненужность, отчужденность, которые так и не были полностью преодолены. В стихах частотное использование отрицательных конструкций, отрицательных местоимений и наречий, которые как раз и обозначают это ощущение одиночества в мире: «А говорить мне не о чем и не с кем» («Я в детстве думал...»); «Вышел на улицу, Господи боже, / никого, ничего, никогда» <...> / «никогда никого не прощают, никому ничего не простят» (с. 253). Рядом с ним всегда оказываются лишь ангелы:

Всему виною снег, засыпавший цветы.
До дома добреду, побрыцаю ключами,
по комнатам пройду – прохладны и пусты.
Зайду на кухню, оп, два ангела за чаем.
«Я вышел из кино...» (с. 247)

Ангелов в поэзии Рыжего настолько много, что необходимо говорить о них отдельно. Ангелы и поэт чаще всего противопоставлены людям и миру и смотрят на них со стороны, но общество ангелов не избавляет от боли одиночества, а чаще даже усугубляет его мыслями о смерти.

Если, «по Бродскому, человек, знающий о том, что мир лишен объективного смысла, что главное содержание бытия – пустота, способен сопротивляться миру устройству, наполняя пустоту своими, казалось бы, тщетными, но непрерывными усилиями по устройению зон прочности, смысла и независимости посреди зыбкого хаоса»¹², то Рыжий, напротив, почти по-цветавски, сопротивляться отказывается:

Вот моя строка:
Без меня отчаливайте, хватит
– небо, облака!

---

¹⁰ Липовецкий М. Критерий пустоты.

¹¹ «Пустота» («да, с пустотой я знаком»); «Грустная песня» («Пройди по улице пустой»); «Трубач на площади» («Трубач, как слон в последний день свой, стоит на площади пустой»); «Колыбельная зимнего сада» («И сад наш пуст, и он стоит уныло»); «Пройдемте, друг, по улице пустой»; «Там улицы пусты»; «Осень в парке» («в мире холодно и пусто»); «Памяти поэта» («Остаются нам детали и разговор о пустоте»); «Носик гоголевский твой» («потому что мир мой пуст, без тебя...»); «Я вышел из кино, а снег уже лежит» («Улицы эти пусты, чужие»; «по комнатам пройду – прохладны и пусты»); «Ночь как ночь, и улица пустынна»; «Море» («В кварталах дальних и печальных, что утром серы и пусты»); «Костер» («пустой карман»); «Вальс с синими слонами» («по пустыне больной головы»); «Прощание с юностью» («всю эту пустоту, вместив в себя»); «Дом поэта», «Памяти И. Б.» ; «Стихи для пустого альбома»; «Я в детстве думал вырасту большим...» и др.

¹² Липовецкий М. Критерий пустоты.

Литературная жизнь сюжета

Жалуйтесь, читайте и жалеите,
Греясь у огня,
Вслух читайте, смейтесь. Слезы лейте,

Только без меня!
«Ничего не надо...» (с. 504)

По сути, отказ от мира для него есть принятие пустоты-одиночества-смерти:

...склоняться к белоснежному листу
в безлюдное, ночное время суток –
весь этот мрак, всю эту пустоту
вместив в себя, не потеряв рассудок.
«Прощание с юностью» (с. 161)

В поэзии Г. Иванова, столь важной для становления Рыжего, мотив пустоты обладает не меньшей значимостью, и Рыжий-поэт это остро ощущает:

Я жил, печальный безбилетник,
И, никого не покидая, стихи Иванова любил.
Любил *пустоты* коридоров...
«Трамвайный романс» (с. 93)

Семантика мотива пустоты у Рыжего гораздо ближе семантике «пустоты» в стихах Г. Иванова, нежели Бродского: «Для Манделштама пустота – то, чему следует “показать кукиш”, бросить вызов даже ценой жизни, как не-культуре, не-бытию, не должному; для Иванова – это пространство, остающееся после потери всего самого близкого, пространство следа и памяти, и поэтому имманентно возвращающееся из состояния пустоты в состояние наличия бытия – всем актом памятования (стихотворного текста), но у каждого из трех [Манделштама, Иванова и Бродского] слышатся голоса, зовущие из пустоты, и слова, обращенные к Тому, кто заполняет пустоту жизнью»¹³. В стихотворении Рыжего «Пустота» наряду с образом заброшенного пустого дома появляется образ запертой на замок памяти, реализуемой в слове. И если пустота Рыжего приравнивается к одиночеству, «безлюдью», а мир вокруг пуст, враждебен, темен и холоден: «*В мире холодно и пусто*» (с. 222), то заполнить эту всеобъемлющую пустоту, это экзистенциальное одиночество, неизбежное для поэта, может лишь слово, поэзия, и Рыжий в поисках этого слова часто обращается и к поэзии как таковой, и буквально адресуясь к другим поэтам¹⁴. Лишь слову посильно преодолеть пустоту, одиночество, смерть, и в бессмертии поэзии находится залог победы над конечностью жизни самого поэта.

Мотив преодоления смерти – один из самых древних в культуре мифологических мотивов. В творчестве Рыжего он реализуется достаточно традиционно как *мотив памяти* – личной и коллективной, а также как *мотив письма* (в широком смысле), творчества и *мотив поэтического завещания*: слово, произнесенное им в стихе при жизни, сразу же, в момент написания, нацелено звучать как слово «оттуда». Жанр завещания не редкость в русской поэзии: в стихах-завещаниях помимо разных советов читателям и потомкам, как жить, каких ценностей придерживаться, автор часто дает завет, как его необходимо похоронить, и объясняет

¹³ Закуренько А. Два образа пустоты: Георгий Иванов, Иосиф Бродский. URL: <http://www.trediakovsky.ru/dva-obraza-pustoty-georgiy-ivanov-iosif-brodskiy> (дата обращения 24.01.2016).

¹⁴ См., например, «Хочется позвонить, хоть кому-нибудь...».

свое желание о захоронении в определенном месте или определенным образом. В числе любимых стихотворений Рыжего, читаемых вслух наизусть или упоминаемых среди книг и текстов, которые были под рукою, «Завещание» Т. Шевченко [2, с. 188–189]; «Попытка завещания» Я. Смелякова [2, с. 186], «Отчаяние» А. Полежаева [2, с. 163]; «Утрата» Я. Полонского [2, с. 274]; «Утро», «Внимая ужасам войны» Н. Некрасова [2, с. 262–263]. Кроме того, «по словам О. Дозморова, большое влияние на Б. Рыжего оказали стихи К. К. Случевского, в которых доминировало поэтическое постижение смерти. А. Григорьев добровольно отдавался стихии гибели (и скорость гибели была потрясающе высокой), и Борис это хорошо понимал <...> Концептуально (и музыкально, естественно) важным был для Бориса цикл К. Случевского “Загробные песни” (1902)» [2, с. 284–285]. Трудно не заметить, что все перечисленные стихи либо о смерти, либо о событиях и чувствах, с нею связанных.

В «Завещании» Шевченко два мотива перекликаются с основными темами поэзии Рыжего: это просьба похоронить на родине, в дорогом сердцу месте, а также уверенность в том, что стихи поэта будут нужны, и таким образом, уже после смерти он «встанет из могилы». Разумеется, послылы для поэтически воображаемого «воскресения» у Шевченко и Рыжего существенно отличаются: Тарасу Шевченко видится впереди победа над врагами родины, стихи мыслятся как сильный вклад в дело ее освобождения, как проявление величайшей любви к отечеству, а у Рыжего мысль о последующем забывании его как поэта потомками основывается исключительно на эстетической идее, а не на социальной значимости собственной поэзии и личности. Он говорит всегда с оглядкой на то, как зазвучит стих в случае его смерти. Сквозным сюжетом, складывающимся из повторяемых вариаций основных названных выше мотивов, становится метасюжет «о рождении из смерти поэта»: с виду рядовой, внешне обычный парень, он же одинокий и непонятый поэт, после смерти становится оцененным и признанным гением. Этот сюжет о воображаемом посмертном признании организует и связует стихи Рыжего на протяжении всего творческого пути в единое содержательное целое, «подсвечивает» все описанные им собственные действия и слова, а также обуславливает столкновение разных речевых стихий и стилей в его поэзии, когда в литературный язык с обилием поэтических цитат вторгаются просторечие, жаргонизмы, ненормативная лексика. Именно этой оглядкой – «*А когда после смерти я стану прекрасным поэтом*» – можно объяснить неудержимое стремление к смерти, постоянные попытки заглянуть «за грань», перейти границу, а также довольно часто повторяющуюся интонацию поэтического «завещания» во многих стихотворениях.

Смерть преодолевается только словом. Запомнить кошку («Гимн кошке», с. 449), описать и тем самым оставить жить всё, что дорого, причем в предельной житейской конкретике, называя всех дорогих людей по именам, описав тот самый сквер и парк, улицу Титова, нынешний двор, как, например, в одном из самых известных стихотворений «Море»: «*В кварталах дальних и печальных, что утром серы и пусты, где выглядят смешно и далеко сирень и прочие цветы, есть дом шестнадцатипятиэтажный, у дома тополь или клен стоит, ненужный и усталый, в пустое небо устремлен, стоит под тополем скамейка и, лбом уткнувшийся в ладонь, на ней уснул и видит море писатель Дима Рябоконт*» (с. 442). Дом, дерево, кусты сирени, реальное имя приятеля-поэта – отсюда и такой узнаваемый признак, отличительное качество его стихов, на которое обратил внимание Ю. Казарин: «Б. Рыжий в поэзии – буквалист, и это очень ценное качество: он не наивен, а достоверен [2, с. 291]. Это один из художественных принципов, являвшихся предметом обсуждения Б. Рыжего и О. Дозморова: «Хронотопическая конкретизация содержания стихотворения (употребление точных географических

названий, имен реальных лиц, персонажей и прототипов, указание на время протекания событий – “10 класс”, например, или зима в г. Пермь и др.)» [2, с. 185]. Он старается тщательно запечатлеть всё, что сохранила память: «Хожу по прошлому, хожу, как археолог. Наклейку, марку нахожу, стекла осколок» («Маленькие трагедии, с. 458).

Мотив воскрешения в поэзии Рыжего всегда связан с жизнью его текстов, с памятью о нем и признанием его как поэта: в другом качестве он «воскресать» не желает. Зато когда вторая часть сюжета – посмертное признание – будет реализована, круг замкнется и «повторится жизнь моя»: «*Я верю, мы живем по кругу, не умираем никогда*» («У памяти, на самой кромке...», с. 447). Е. Рейн сказал о Б. Рыжем: «Он писал внятные, эмоциональные и как бы “фатальные” стихи, по методу совершенно реалистические... Он был суицидный поэт, как Маяковский, как сын Томаса Манна Клаус, который раз двадцать покушался на свою жизнь» [6, с. 188–189]. В этой формулировке Рейна первичным становится сам факт самоубийства и подчеркнутое стремление к нему, но поэзия Рыжего, при всей ее тотальной обращенности к теме смерти, вовсе не сценарий к будущему самоубийству, в ней не было заикленности на суициде, скорее – постоянная рефлексия о смерти, нашедшая воплощение во всевозможных танатологических мотивах. Таким образом, у Рыжего есть нечто, отличающее его и от Маяковского, и от других поэтов-самоубийц: он включил в содержание своих стихов будущее событие смерти не только на содержательном уровне как тему, позволяющую говорить о смерти, ее атрибутах и связанных с нею событиях (похороны, прогулки по кладбищам, истории гибели и т. д.) или чувствах (желание и ожидание смерти, скорбь, печаль, безысходность, нежелание жить и т. д.), но и как будущее документальное внелитературное событие, из гипотетического, но неизбежного будущего генерирующее художественную реальность, когда становится возможным сказать о творчестве: «Еще не смерть, но упражненье в смерти» (с. 356). В свете не гипотетической, а совершенно неизбежной преждевременной смерти преломлялись в стихах окружающая повседневная реальность, события жизни, факты и быт: «Жизнь художественна, смерть – документальна» (с. 311). Возможно, именно потому танатологические мотивы и сюжет о всё ускоряющемся движении к смерти являются в его поэзии, в его художественном мире стержневыми, основными, подчиняющими все остальные ее компоненты, – так работал, так был «заточен» его внутренний избирательный взгляд, вернее – оглядка, на все происходящее из будущего, как будто оно уже произошло и сбылось в своей страшной сути.

Приложение

1. МОТИВ «СТРЕМЛЕНИЕ К СМЕРТИ» («И навеки в смерть уеду»)

Мотив *стремление к смерти* реализуется как *мотив пути к смерти, мотив перемещения из одного мира в другой, мотив перехода границ между мирами, как повторяющийся мотив воображаемых и иных похорон.*

А) *Стремление к смерти* может быть реализовано буквально как *перемещение* лирического героя в пространстве, которому сопутствуют какие-то *атрибуты смерти*, напоминание о ней и т. д.:

«Смерть хороша по чуть-чуть»; «Отрывки» («кресты могильные антенн»); «Вечер» («и поздно мне было жить для новых дней»; «закат – сердце Данко»); «Суждения» («но в округе до черта камней – кидать или строить могилы»);

«В сентябре, на простой тротуар...» («*пусть гербарий из вас соберет утром траурным школьник седой*»); «Вот зима наступила...» («*это мертвые мчатся на гробах*»); «Пойдемте друг, вдоль улицы пустой...» («*и безобразный вечный манекен глядит нам вслед красивыми глазами*»), «Так просидишь у вас весь вечер...», «Иванов» («*Это бабочка ночная*»); «Соцреализм» («*черный снег, чернее земли, на черном ветру*», «*ржавая в черных прожилках звезда. И никого. Ничего. Никогда*»); «На белом кладбище гуляли»; «Что сказать о мраморе – я влюблен в руины»; «Осень в провинции»; «В улицах, в парках»; «Иванов»; «В том доме жили урки»; «Через парк по ночам я один возвращался домой...», «С работы возвращаешься домой», «Грустная песня», «Я часто дохожу до храма...», «Две сотни счетчик наматает», «Я вышел из кино, а снег уже лежит...», «Ночь как ночь, и улица пустынная...»; «Давай по городу пройдем»; «Ночь. Звезда. Милицанеры...», «Еще не погаснет жемчужин...», «Я пройду, как по Дублину Джойс», «Оркестр играет на трубе», «Путешествие», «Пройти по улице с небритой»; «Мимо больницы, кладбища, тюрьма...», «Осколок света на востоке...», «Сколько можно, старик, умиляться острожной...», «Много было всего, музык было много...», «Когда в подъездах закрывают двери», «Я на крыше паровоза ехал в город Уфалей», «Нужно двинуть поездом на север...», «На мотив Луговского», «Хожу-брожу, как археолог...» (3 из «Маленькие трагедии»), «А что такое старость?...», «Рубашка в клеточку, в полоску брючки...», «Отрывок большого стихотворения», «Если в прошлое только трамбуем», «Не безысходный – трогательный, словно...», «Свернул трамвай на улицу Титова...», «Мальчишкой в серой пепелке остаться» и некоторые др.

Б) Стремление к смерти как перемещение, путь, мысли о переходе в иной мир:

«Воплощение в лес» («*я родился, умру, и уже не воскресну*»); «Суждения» («*я с дождями уйду в эту землю*»); «Уток хлебом кормила с руки» («*но умру у нее на руках*»); «Колокольчик»; «Было в Петербурге»; «Глупая проза» («*могли ль они меня убить тогда?*»); «Прогулка с мальчиком»; «Прощанье»; «В России расстаются навсегда»; «Грустная песня»; «Я часто дохожу до храма»; «Дом»; «Олегу Дозморову от Бориса Рыжего»; «Осень в парке» («*мы умрем с тобою через три часа*»); «Вдоль канала»; «Вот и кончилось лето»; «С любовью»; «Новая Голландия»; «Как некий, скажем, гойевский урод»; «Ах, бабочка – два лепесточка...»; «Музе»; «Осень в парке»; «С десятка, проглядев, наверное, слов...» («*зимой – зима такая белая – в такую зиму я умру*»); «Магом, наверное, не человеком»; «Вот и мучаюсь в догадках» («*А не завтра-послезавтра / мы оставим твердый шаг / грозный шаг ихтиозавра / в смерть, в историю, во мрак*»); «У телекрана» («*еще ты не вдова*»; «*Давай уйдем, нам Петр откроет двери / нас пустят в рай за жалость и за скуку*...»); «В те баснословные года» («*И только небо, может быть, / глядело пристально и нежно / на относившихся небрежно / к прекрасному глаголу ЖИТЬ*»); «Мальчик пустит по ручью...» («*мы по этой улице однажды умирать отправимся гурьбой*», «*и кораблик прямо в гавань смерти приплывет*»); «Сначала замотаю руку»; «Я уеду в какой-нибудь северный город» («*буду ласковым другом случайно заколот / надо мною расплатится он, протрезвев*»); «Похоронная музыка на холодном ветру» («*Прижимается муза ко мне: я тоже умру*»); «Соцреализм»; «Памяти И. Б.» («*я б не раздумывал нисколько и согласился умереть*»); «Прощание с юностью»; «Зима» («*я гляжу, умирая, на поля безупречного снега*»); «Когда наступит тишина» («*ты умер бы давным-давно*»); «Так гранит покрывается наледью»; «Красавица в осьмнадцать лет, смотреть, как тихо мы стареем...»; «Пела мама мне когда-то» («*надо мне в огромном мире / жить, работать, уми-*

Литературная жизнь сюжета

рать)), «Нет, главное, пожалуй, не воспеть» («я в мир пришел, чтобы навек проститься»); «Две сотни счетчик наматает»; «Из школьного зала» («Со сцены, со сцены, со сцены сойти»); «С антресолей достану ТТ» и др.

В) Мотив «находиться на границе / между миров», мотив пограничья, перехода границ между мирами:

«На границе между сном и явью»; «Облака пока не побледнели»; «Суждения»; «Вечер»; «Утро появляется там, где ночь...»; «Новогодняя ночь»; «Трубач и осень»; «В сентябре на простой тротуар...»; «Элегия Эле»; «Кусок элегии», «Как некий, скажем, гойевский урод»; «На мосту»; «Девочка с куклой»; «Пробуждение»; «Звезд на небе хоровод»; «В провинциальном городке»; «Киндзмараули», «Поздним вечером на кухонном балконе...»; «Ах, куда уходите так скоро...»; «Я вышел из кино, а снег уже лежит»; «Вот зима наступила»; «Орфей»; «Глядишь на милые улыбки»; «Колыбельная зимнего сада»; «Как пел пропойца под моим окном!»; «Пойдемте, друг, вдоль улицы пустой»; «С любовью»; «В России расстанутся навсегда»; «Так просидишь у вас...»; «Я часто дохожу до храма»; «Когда менты мне репу расшибут», «Не во гневе, а так...», «Мой герой ускользает во тьму...»; «Разве только ангел на четыре слова»; «Тюльпан»; «Я вышел в улицу»; «Летний вечер в окне»; «Взгляд из окна»; «Июньский вечер, на балконе»; «Осенние сумерки злые»; «7 Ноября»; «...Дым из красных труб»; «Памяти друга»; «Спит мое детство» («а смерть с тобою»); «Прижмусь спиной к стене сарая»; «В окно заглянешь – день насмарку»; «Много видел, не много жил»; «Больничная тара. Черника»; «Синий свет в коридоре больничном»; «Вот здесь я жил давным-давно»; «У памяти на самой кромке»; «Я зеркало протру рукой»; «Я понял: ты дочь моя, а не мать»; «Живу во сне, а наяву...» и др.

Г) Стремление к смерти как проигрывание ситуации собственной воображаемой смерти:

«Суждения» («умру, как солдат», «смерть – обыденный дембель»), «Клочок земли под синим небом...» («пусть здесь меня и похоронят»); «Кальян»; «Смерть хороша по чуть-чуть...»; «Отрывки»; «Фонари»; «Пела мама мне когда-то» («надо мне в огромном мире / жить, работать, умирать»), «Нет, главное, пожалуй, не воспеть» («я в мир пришел, чтобы навек проститься») «С десяток, проглядев, наверное, слов...» («зимой – зима такая белая – в такую зиму я умру»); «Бар “Трибунал”»; «Вот и мучаюсь в догадках» («А не завтра-послезавтра / мы оставим твердый шаг / грозный шаг ихтиозавра / в смерть, в историю, во мрак»); «У телеэкрана» («еще ты не вдова»); «Когда в подъездах закрывают двери...», «Олегу Дозморову от Бориса Рыжего», «Зима» («я гляжу, умирая, на поля безупречного снега»); «Разрыв» («Я заболел и умру, а ты найдешь мою могилу»); «В Свердловске живущий...», «Не жалею о прошлом, будь, что было...», «Золотые сапожки», «Фонари», «Маленькие трагедии», «Яблоня», «Нет, главное, пожалуй, не воспеть»; «Где обрывается память, начинается старая фильма...»; «Ничего не надо...»; «Мальчишкой в серой кепочке остаться...»; «Я часто дохожу до храма...»; «Скажи мне сразу, после снегопада...»; «Вот зима наступила...» («это мертвые мчатся на гробах»); «Уток хлебом кормила с руки...» («умру у нее на руках»); «Осень в парке» («мы умрем с тобою через три часа»); «Считалочка»; «Веди меня аллеями пустыми» («я сам исчезну через пять минут»); «Вспомним всё, что помним и забыли» («как пылятся на моей могиле неживые желтые цветы»); «Разговор с Богом», «От заворота умер он кишок», «Голстой плюс» и др.

2. МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА И ЕГО ВАРИАЦИИ («Но есть одиночество в мире»)

Реализуется не только как *мотив «быть одному» / «ощущать одиночество, отрезанность от людей и мира»,* но и как *мотивы пустоты, исчезновения, замкнутого пространства.*

А) *Мотивы пустоты / отсутствия / исчезновения:*

«Отрывки»; «Утро появляется там, где ночь...»; «Пустота» («да, с пустотою я знаком»); «Грустная песня» («Пройди по улице пустой»); «Трубач на площади» («Трубач, как слон в последний день свой, стоит на площади пустой»); «Колыбельная зимнего сада» («И сад наш пуст, и он стоит уныло»); «Пройдемте, друг, по улице пустой»; «Там улицы пусты»; «Осень в парке» («в мире холодно и пусто»; «ангелы шмонались по пустой аллее»); «Когда я утром просыпаюсь...» («шепчу, целуюсь, с пустотой»); «Памяти поэта» («Остаются нам детали и разговор о пустоте»); «Носик гоголевский твой» («потому что мир мой пуст, без тебя...»); «Я вышел из кино, а снег уже лежит» («Улицы эти пусты, чужие»; «по комнатам пройду – прохладны и пусты»); «Ночь как ночь, и улица пустынная»; «Море» («В кварталах дальних и печальных, что утром серы и пусты»); «Костер» («пустой карман»); «Вальс с синими слонами» («по пустыне больной головы»); «Прощание с юностью» («всю эту пустоту, вместив в себя»); «Памяти И. Б.»; «Стихи для пустого альбома»; «Я в детстве думал, вырасту большим...», «Я вышел из кино, а снег уже лежит»; «Дом поэта», «Черный ангел на белом снегу...»; «В белом поле был пепельный бал»; «Бледный всадник»; «Дом с призраком»; «Музыкант и ангел»; «Магом, наверное, не человеком», «Носик гоголевский твой»; «В белом поле был пепельный бал»; «Эверта, поцелуй и позабудь»; «Веди меня аллеями пустыми»; «Когда бутылку подношу к губам» и др.

Б) *Мотив похорон / могилы и мотив ощущения мира как тесной, сырой, темной могилы, иногда в связке с мотивом музыки или ее звукового «заместителя»; часто реализуется как мотив темноты в связке с мотивом света фонаря или звезды, мотивами пустоты, печали, одиночества, боли, формирующих общее настроение безысходности и беспросветности:*

«Суждения»; «Отрывки»; «Похоронная музыка на холодном ветру»; «Оркестр играет на трубе...»; «Скрипач»; «Вот зима наступила...»; «Памяти И. Б.»; «Зима»; «Разрыв»; «Грустная песня»; «Когда наступит тишина»; «Осень в парке»; «Соцреализм»; «С любовью»; «Стансы» («Фонтан змерз. Хрустальный куст...»); «Что сказать о мраморе – я влюблен в руины»; «Хочется позвонить кому-нибудь...»; «Робинзон»; «На чьих-нибудь чужих похоронах...», «Над саквожем в черной арке»; «Памяти друга», «Эмалированное судно, окошко, тумбочка кровать...», «Темнеет в восемь – даже вечер тут по-немецки педантичен», «Петербургским корешам» («Дождь в Нижнем Тагиле»), «Элегия Эле», «Ночь, скамеечка и вино...», «Оставь мне небо темно-синее»; «За Обвою – Кама...», «Всюду встречаю я мертвых знакомых», «Урал – мне страшно, жутко на Урале»; «Я в детстве думал, вырасту большим...», «Когда в подъездах закрывают двери...», «Олегу Дозморову от Бориса Рыжего», «Так гранит покрывается наледью»; «Осень в парке»; «В белом поле был пепельный бал»; «В наркологической больнице»; «Я подарил тебе на счастье»; «Веди меня аллеями пустыми»; «Как только про мгновения весны»; «Вспомним всё, что помним и забыли»; «Вышел месяц из тумана».

3. МОТИВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СМЕРТИ

Мотив попытки преодоления смерти памятью и словом реализуется как мотивы воспоминаний, письма, мотив завещания, мотив поэзии как вневременной, вечной сущности:

«Мне наплевать на смерть царя...»; «Клочок земли под синим небом...» («пусть здесь меня и похоронят»); «Кальян»; «На бледно-голубой эмали» («...так вот они остаются в мозгах, подчеркнув свое бессмертье»); «Элегия Эле»; «Мой друг, так умирают мотыльки»; «Глупая проза»; «Воспоминание»; «Первое мая»; «Штукатурка отпала...»; «Летний сад»; «Стихи про любовь»; «Стихи о русской поэзии»; «Ходасевич», «Иванов»; «Хочется позвонить кому-нибудь...»; «Я скажу тебе немного – два-три слова...»; «Вы говорите: “Мысль...”»; «Девочки-монашки в городском саду»; «Завещание», «Я так хочу прекрасное создать»; «Дом поэта», «Памяти И. Б.», «Mike Tyson», «Нежная сказка для Ирины»; «Я жил, как все...»; «Еще вполне сопливым мальчиком...»; «Всех денег – на две папироски»; «Прощание с друзьями»; «Нас с тобой разбудит звон трамвая»; «Хотелось музыки, а не литературы»; «Детское стихотворение», «Гимн кошке», «Не забывай, не забывай...», «У памяти, на самой кромке...», «Ничего не будет, только эта...», «Киндзмараули»; «Олегу Дозморову от Бориса Рыжего», «Так гранит покрывается наледью»; «Черная речка»; «Стихотворение А. П. Григорьева»; «Долго-долго за нос водит»; «Грядущему сыну»; «На мотив Луговского»; «Не забывай, не забывай!»; «На фоне граненых стаканов»; «Подались хулиганы в поэты»; «Тонкой дыма папироской»; «Первый снег, очень белый и липкий»; «Тушь, губная помада»; «Померкли очи голубые» («я не настолько верю в слово»); «В наркологической больнице» (отрицательный вариант мотива); «Эверпа, поцелуй и позабудь»; Трижды убил в стихах реального человека»; «Элегия» («Благодарю за каждую дождинку»); «Живу во сне, а наяву...»; «Стань девочкой прежней с белым бантом»; «Вспомним всё, что помним и забыли»; «Помнишь дождь на улице Титова»; «Я в Свердловске живущий»; «Отмотай-ка жизнь мою назад»; «Рубашка в клеточку. В полоску брючки»; «Не надо ничего»; «Если в прошлое, лучше трамваем»; «Не безысходный – трогательный, словно...»; «А грустно было и уныло»; «Свернул трамвай на улицу Титова»; «На границе между сном и явью»; «Мальчишкой в серой кепочке остаться...»; «Вот в этом доме Пушкин пил»; «А была надежда на гениальность. Была», «Жизнь – падла в лиловом мундире», «Давай стучи, моя машинка», «Вот здесь я жил давным-давно», «Трамвай гремел. Закат пылал»; «В безответственные семнадцать»; «Стихи уклониста Б. Рыжего».

Список литературы

1. Коляда Н. В. По есенинскому следу // Независимая газета. 2001. № 10 (69). 18 мая.
2. Казарин Ю. Поэт Борис Рыжий. Екатеринбург, 2009.
3. Рыжий Б. «В кварталах дальних и печальных». М., 2014.
4. Вытушняк А. Н. Языковые средства в формировании основных смысловых сфер в поэзии Бориса Рыжего // Дергачевские чтения – 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию А. И. Дергачева: В 3 т. Екатеринбург, 2012. Т. 3.
5. Арсёнова Т. А. Ситуация «поэт у окна» в лирике Бориса Рыжего // Дергачевские чтения. Русская литература: национальное развитие и региональные

Непомнящих Н. А. Танатологические мотивы лирики Б. Рыжего

особенности. Екатеринбург, 2012. Т. 3. С. 3–10. URL: <http://www.litural.ru/issledovateli/arsyonova/>.

6. *Рейн Е.* Вся жизнь и еще «Уан бук». Беседа с Т. Бек // Вопросы литературы. 2002. № 5.

N. A. Nepomnyashchikh

Novosibirsk, Russian Federation

THANATOLOGICAL MOTIVES IN RYZHY'S WORKS

Thanatological motifs and the plot of speeding up towards the death are constantly repeated throughout Boris Ryzhy's poetry. Even motifs, which are not usually related to the motif of death, such as light of a street lamp or a star, the motif of void, and some others, become the death-related motifs in his poems. The plot about «the poet born from death» becomes the metaplot of all his writings. This explains his irrepressible aspiration for death, persistent attempts to peep beyond the brink, to cross the border, the intonation of poetic «last will and testament» characteristic to many of his poems. The aspiration for death is realized through the universal mythological motifs of the way (usually any way, despite of its announced destination, is turned out to be leading to death), «crossing the border», and removal.

Keywords: Boris Ryzhy, thanatological motifs, the motif of void, motif of aspiration for death, the motif of way.

Nepomnyashchikh Natalia A. – Candidate of Philology, a Leading Scientist of the Philology Research, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, rainbow_miracle@mail.ru)